

УДК 94

Ярков А.П.

Тюмень, Тюменский государственный университет

ШАЛАКАЗАХИ И ДЖАТАКИ НА РАЗНЫХ ДОРОГАХ ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Статья посвящена двум группам тюркского населения, которые сформировались в XVIII – XIX вв. на границе Степи и российских территорий. Они отразили переходное состояние части местного сообщества на сложном этапе его трансформации под влиянием большого комплекса причин и факторов, отчасти связанных и с вхождением в состав Российского государства. В современных условиях понятие ш(ч)алаказак (шалақзақ) имеет другую природу, но оно также «пограничное». Это и следует прояснить.

Ключевые слова: Приграничье Казахстана и России, история казахов, этноконсолидация.

Yarkov A.P.

Tyumen, Tyumen State University

SHALAKAZAHI AND JATAKA TALES ON DIFFERENT ROADS OF ETHNIC CONSOLIDATION

Shalakazahi and Jataka formed during the 18th and 19th centuries on border of steppe and Russian territories. They reflected the transitional state of the local community at a delicate stage of its transformation under the influence of a large complex of reasons and factors, partly related and with entering a part of the Russian State. In modern conditions the concept of shalakazah has a different nature, but it also «borderline».

Keywords: Border area of Kazakhstan and Russia, history of Kazakhs, etnokonsolidacija.

Историко-социальный контекст

Эти две группы населения играли разные социальные роли, но на фоне джатаков шалаказахи были в поле бóльших интересов ученых, российских гражданских и военных администраторов. В XIX в., например, они упомянуты в работах Ч.Ч. Валиханова, К.П. Кауфмана, М.А. Терентьева. Особо же стали интересоваться шалаказахами в XX – XXI вв., фиксируя исторические предания и обычаи, обрабатывая прежние статистические и фольклорные материалы, опрашивая современников. Тому свидетельство – публикации Ж.О. Артыкбаева, Т. Байтукенова, С.П. Маркова, Г.И. Шаймердена и других.

Причина, очевидно, в том, что наименование шалаказах имеет несколько трактовок: от современного негативного (а ныне иногда и оскорбительного) контекста – «полуказахи» (или «недоказахи») до определения их как особой этносоциальной категории (а некоторые ученые полагают – этнографической группы), начавшей складываться в XVIII – XIX вв. от взаимодействия живших на границе Степи казахов с выходцами из Поволжья и Центральной Азии. Например, относили к шалаказахам метисов, родившихся от браков татар, уйгуров и других с казашками. Заметим, что шалаказахами именовали также соплеменников из одного из подразделений рода мамбет племени найман, окыргызившихся казахов из рода абла племени сарыбагыш [1, с. 10-11]. В любом случае это говорит о продолжающихся этнических процессах и/или неполноправном социальном и культурном положении этой группы населения, «родившейся» от соприкосновения различных этносов и общественных страт на очередном «изломе эпох».

Вплоть до середины XIX в. правовое положение большинства шалаказахов не подвергалось регламентации. Более того, они не включались в административно-территориальные единицы и, как следствие, в общую численность населения. Между тем шалаказахи уже занимались торговлей, скотоводством (реже земледелием), но не могли приписаться в социально-правовом отношении ни на положение казахов, ни на оседлых «инородцев». Пользуясь ситуацией, некоторые пришлые мигранты именовались шалаказахами, соответственно, не несли (и не желали нести) повинностей. В результате это привело к увеличению численности этой

группы и сокрытию в их рядах части беглых из татар и русских [2, с. 68]. К тому же значительная часть шалаказов стремилась к изоляции, обитая в труднодоступной местности, мало посещаемой государственными чиновниками – представителями России, все более расширявшей своё влияние в Степи.

Учитывая совокупность факторов, перед властями встал вопрос о необходимости привлечь шалаказов к выплате ясака и подворных повинностей. Сибирский комитет 19.03.1854 г. повелел местным властям «приписывать их на положение киргиз к округам». Также им было разрешено вступать в разряды сельских и городских обывателей, например, в мещанское сословие [3, с. 1265]. Это размывало номадическое мышление и прежние их сообщества.

В иных случаях стабильность их статуса зависело от «сгруппированной установки на поддержку традиционного уклада»: в Аягузском округе Ч.Ч. Валиханов описал жизнь и быт подобных шалаказов, но после 1854 г. в Аягузском округе их осталось 155 семей. В других районах их тоже фиксировали немного: в Кокпектинском – 167, в Каркаралинском – 40, в Акмолинском – 9. Все они приписаны к казахам, тем более в культурно-бытовом отношении мало отличались.

Есть данные, что часть приезжих мусульман, связав себя родственными узами с казахами, стремились перейти на положение шалаказов. Это обусловлено социальными факторами. Так, выходцы из Поволжья, отправленные в Степь в качестве мулл, имели низкий социальный статус и юридически относились к категории государственных крестьян с выплатой налогов. Дело в том, что закон еще от 1.12.1826 г. зафиксировал: «духовенство магометанское никаких особенных привилегий по сану своему не имеет, и, состоя в подушном окладе, или служебной по кантонам обязанности, отправляет все повинности, и по делам уголовным судится и наказывается наравне с прочими поселянами»[4, с. 34]. Муллы, которые зарегистрировались как шалаказы, освобождались от уплаты подушного налога, воинской повинности и других обязательств. Это поднимало их статус среди степняков и перед местными властями.

Джатаки, как особая социальная категория, формировались из казахов, лишившихся скота и, как правило, не имевших возможности коче-

вать. Г.Е. Катанаев, например, сообщал, что численность джатаков в 1899–1900 гг. составляла: в Семипалатинской области – 2 936; в Акмолинской – 2 403. Джатаки занимались земледелием и в больших количествах проживали в русских поселениях. Иные из них разговаривали уже по-русски и потому стали наиболее «уязвимы» для христианизации и ассимиляции [5, с. 140-147].

Конечно, влияние русского окружения не следует переоценивать. Не только тюркские, но и некоторые русские источники считали джатаков (в отличие от кочевых казахов) проводниками идей ислама в Степи. Так, дьякон Н. Саркин в начале XX в. написал, что, если татары по каким-то причинам не могут попасть вглубь Степи для распространения ислама, «их охотно заменяют джатаки в особенности, если покровительствуют им богатые татары»[6, с. 502]. Эти религиозно активные джатаки влились в состав казахов и, отчасти, татар.

«Конечная остановка» джатаков на пути этнической консолидации с основной частью казахского этноса стала очевидна в начале советской эпохи.

Современный аспект

Джатаки исчезли из этносоциального поля как особая группа населения, в отличие от шалаказахов, где проявилась иная причина. Она связана с обретением независимости – рождением Республики Казахстан, актуализацией этнических вопросов, развитием казахского языка, изменением ментальных установок. Более того, в начале XXI в., когда этническое сознание казахов раскололось, то определённая их часть, сохранявшая традиционные этнические ценности, стала классифицироваться как «нагыз казак». А вот их соплеменники с русифицированным сознанием, составляя часть казахского населения, преимущественно горожане, иногда именуются шалаказахами. Они часто не владеют казахским языком и (по мнению радикально настроенной части казахской элиты) не чтят казахскую культуру[7, с. 32-34].

Последний довод более чем сомнительный, исходя из принятого в гуманитарной науке представления, что культура, как процесс и результат человеческой деятельности, не может иметь «жесткой» конструкции, по-

стоянно подвергаясь трансформации (не путать с модернизацией). В этом контексте характерно положение оролманов, владеющих казахским языком (в том числе с обильным присутствием архаизмов), но существенно отличающихся в бытовой культуре и по ментальности от казахов, живших на территории СССР и ныне – на пространстве СНГ. Соответственно, знание родного языка – важный, но не «единственно определяющий» фактор принадлежности к какой-либо этнической культуре. Пример тому – возродившийся иврит, который до рождения Государства Израиль исполнял лишь внутриконфессиональную роль среди исповедующих иудаизм. Ассимилированные евреи вообще в обиходе употребляли идиш, относящийся к германской языковой группе, а также русский, испанский, таджикский и другие языки. При этом никто не потерял своей идентичности.

Соответственно, живущие в городах Казахстана и в России казахи (именуемые некоторыми их соплеменниками шалаказахами), слабо владеющие (или совсем его не знающие), не являются «потерянным племенем», а являются субэтносом в рамках большого казахского этноса.

В условиях глобализации сохранять этническую самобытность можно, не прибегая к аргументам, статусу, оценкам XIX в.

Список литературы

1. Жакупов Ж. Шала Казак: прошлое, настоящее, будущее. Алма-Аты, 2009.
2. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX в.: традиции и инновации. Караганда, 1993.
3. ПСЗ-2. Т. 1. СПб., 1830.
4. Qurban Ali Khalidi. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770-1912). Brill-Leiden-Boston, 2005.
5. Катанаев Г.Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Астана, 2007.
6. Саркин Н. Об употреблении спиртных напитков у казак-киргизов // Деятель. 1905. № 21.
7. Шаймерден Г.И. Национальная и религиозная идентичность казахской ирреденты: постановка проблемы // Ислам в Сибири: вызовы времени: мат. Междунар. науч. конф. Омск, 2016.